

За столом короля Артура

Валерий Ледник

18+

Валерий Ледник

За столом короля Артура

«Автор»

2024

Ледник В. А.

За столом короля Артура / В. А. Ледник — «Автор», 2024

Молодой парень, мечтающий поехать в Венецию, погибает в аварии и превращается в призрака. Оправившись от шока, он оказывается в различных нелепых и комических ситуациях и становится настоящей "головной болью" для жителей провинциального города. Потеряв всё, главный герой продолжает бороться за свои мечты и любовь.

© Ледник В. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Республика Святого Марка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валерий Ледник

За столом короля Артура

Республика Святого Марка

Когда мне было 7 лет, мой дед Николай вернулся из поездки в Италию. На его пальто налип толстый слой тополиного пуха, отчего я решил, что в Италии растут тополя. Из путешествия дед привёз в подарок моей матери удивительное ожерелье из синего муранского стекла и украшения из жемчужных раковин – венецианские морские цветы. Мне же он вручил флорентийские краски и пожелал успехов в искусстве. Дед рассказывал множество захватывающих историй о залитой солнцем стране, где на побережье зреют оранжевые плоды на апельсиновых деревьях. Но больше всего его поразил город на воде – Венеция. Сказочное островное королевство золотых дворцов, крылатых львов и маскарадов, каменных ажурных мостов и речных трамвайчиков.

– Благодаря венецианским гениям у нас появились такие понятия как: конвейер, арсенал, газета, банк и термометр. Когда-то Венецию называли Светлейшей Республикой Святого Марка. И это было могущественное государство. Вроде как республика, и дожа, главу державы, там избирали, но правил он пожизненно, как король, – говорил моему отцу, лукаво прищурившись, дед Николай.

На меня, мальчишку семи лет, описания деда произвело неизгладимое впечатление. Существование какой-то диковинной и богатой морской страны стало для меня открытием.

Через пару месяцев во время завтрака мать вдруг заплакала, а отец сказал мне, что ночью дед Николай умер. В этот момент порыв ветра распахнул окно, и на кухню залетел тополиный пух, а рядом со мной будто кто-то прошептал слово «Марк». Пух опустился в мою кружку с чаем и на блинчики с вишнёвым вареньем. Он казался частичкой какого-то неземного мира, увязшего в действительности. Отцу я не поверил, и подумал, что хитрый дед просто отбыл на острова Святого Марка навсегда. И с тех пор в моём воображении очень многое соотносилось с этим волшебным местом.

На мои восемь лет родители подарили мне привезённый дедом Николаем из Италии игрушечный телефон. Он походил на изящные телефоны 20-ых годов XX века, заводился ключом и звонил после этого, сильно пугая нашего чёрного кота Ярика. Я наивно ожидал, что однажды, когда эта игрушка зазвонит, я услышу голос деда. Но кот Ярик скинул ненароком игрушку с подоконника, телефон треснул и после падения начал страшно шуметь, чем очень нервировал моего отца. И вот однажды, когда я вернулся из школы, выяснилось, что игрушка загадочным образом пропала. Я почти уверен, что отец запустил его греметь в мусорный бак, но в детстве я решил, что телефон отправился домой, в Венецию.

Всё, что у меня потом исчезало – от фломастеров и жевательных резинок с вкладышами «Turbo» до солдатиков, спрятанных в земле в «секретиках», в моих фантазиях попадало к «Марку». И это касалось не только предметов. В это королевство, за пределы моего мира периодически уходили и люди.

Когда моя семья переехала в новый микрорайон, на «островах», в лагуне оказалась моя прежняя школа и одноклассники. Там были мои друзья детства, воспитатели из детского сада и моя первая учительница Елена Степановна.

Нельзя сказать, чтобы из страны «Святого Марка» не было выхода. Оттуда иногда к бабушке приезжали погостить подруги, например, тётя Арсентьевна. Она, по словам матери, жила на море в Крыму. Из королевства «Марка» какое-то время мне писал письма друг Денис. Описывал он почему-то Израиль, но ведь это всё равно где-то на Средиземном море, как и

Венеция. Из этой страны неожиданно появлялись мои школьные приятели, которых я случайно встречал в городе раз в пару лет. Проникнуть «на острова» сам я не мог. Вернее, в детстве я был уверен, что однажды поселюсь на них навсегда. И мы со старыми друзьями снова будем играть в ножички, прятки и войну, бегая с пластмассовыми пистолетами и автоматами. Там всё и все, кого я когда-либо потерял. И бабушка, как прежде, зовёт меня обедать, крича на весь двор, а друзья смеются надо мной, но без злости и набиваются зайти попить воды.

Представление о жаркой Италии не мешало тому, чтобы в моих грёзах «на острова» перебрались мои детские зимы. Боже, какие это были чудесные зимы! Не чета тёплым, сегодняшним, где так мало снега. Те были морозными, с сугробами, снеговиками, снежными крепостями и катанием на железных санках с деревянной спинкой.

Я знаю, что дорогое моему сердцу королевство «Святого Марка», эта волшебная страна, в которой обитают крылатые львы, распускаются цветы из морских раковин, а таксисты плавают на лодках, было моей формой психологической защиты.

Затем я вырос и уже не верил в «острова», но они остались выражением места забвения прошлого. К «Святому Марку» попала моя гитара, на которой я учился играть. Там же оказалась тетрадь с моими первыми стихами. И мои бывшие девушки, например, Юля, наградившая меня возле Софийского собора поцелуем в 14 лет, и Настя, подарившая мне первую неумелую ночь любви после университетского «медиума». Одногоруппники по университету и коллеги по работе покидали меня и исчезали на «островах». В стране «Святого Марка» уже были целые города, посвящённые разным этапам моей жизни.

Закончилось и моё юношество. В 26 лет у меня появилась возможность реализовать свою детскую мечту, и я купил манящий автобусный тур в Венецию. К тому моменту я работал художником-декоратором в фирме «Мусейон», создававшей музеи. Приходилось периодически конфликтовать с разными организациями и должностными лицами. Особенно меня напрягал рабочий Гена. От него постоянно разило потом и чесноком. Гена был самым ленивым человеком из всех, которые мне были известны. У него было триста миллионов причин не работать, и если имелась хоть одна лазейка, чтобы «схалювить», он её ни за что не упускал. Мастер маскировки, Гена умел сливаться со стенами, чтобы его не видело начальство. Будучи пьяным, он дышал на бригадира мятой и ромашкой. Когда рядом проходил директор фирмы, Гена ступал бесшумно и без следов со скоростью 150 км/ч. Спал он в любых состояниях и позах, хоть стоя, хоть лёжа в воде. Поистине перфекционист, Гена умел делать ровно столько, чтобы его не уволили, всегда находясь на границе.

В свою очередь мой непосредственный начальник, заместитель мэра города Александр Глинский, бесконечно играл на работе в «Worldoftanks». Бывший комсомольский работник, он считал, что обнаглевшая и оскотинившаяся молодёжь его никогда не слушает. А следовало бы. Но если Александру давали слово или спрашивали совета, как правило, сказать ему было нечего.

Выходец из богатой семьи партийных коммунистических работников, Александр с детства чувствовал себя хозяином жизни, которому почему-то все должны. Никакого другого мнения, кроме его собственного, у подчинённых не могло существовать в принципе. При этом Александр был из той породы людей, что смотрят на представителей власти с собачьей преданностью и получают за показную лояльность свой кусок пирога. По характеру Александр Глинский был похож на китайского чиновника Чжао Гао. Этот евнух прислал ко двору императора оленя и заявил, что это лошадь, а затем казнил всех, кто с ним не согласился.

В последнее время Александр принимал на работу в основном красивых девушек. Ходили слухи, что каждой из них он предлагал раздеться догола. В перерывах между игрой в нём просыпалась дотошность латышского стрелка, когда Александр придумывал мне новые задания и проверял выполненные. Кроме фирмы «Мусейон», где я работал, он владел местным лживым телеканалом «Турунт». Главной телеведущей этого канала была рыжеволосая

жена Александра, Оксана Глинская. Она была агрессивной и беспринципной карьеристкой, приехавшей из какого-то села. Коллеги поговаривали, что Оксана впервые увидела душ и тёплый туалет в 17 лет, поступив учиться в Полоцк, от чего испытала культурный шок. А когда мать нашла ей место работы в своём совхозе «Махно», Оксана даже разрыдалась. Годами она вытравливала у себя сельское произношение и лексикон и, будучи симпатичной девушкой, вышла по расчёту замуж за Александра. Меня не волновало социальное происхождение Оксаны, у меня было немало хороших знакомых из деревни. Но на правах жены эта склочная скандалистка периодически давала мне «задания» по выполнению ремонтных работ в их с мужем коттедже и существенно усложняла мне жизнь.

Однако в целом Оксана не могла преодолеть моё позитивное равнодушие, пока во время эпидемии коронавируса я не похоронил вначале отца, а затем и мать. Тогда горе осветило мой мир чёрным солнцем. Его лучи обжигали мне горло и мешали дышать. Но заплакал я только через несколько месяцев после поминок матери. Больше года я свыкался с тем, что теперь у меня нет родных, которым я могу позвонить, обратиться за советом или прийти на традиционный воскресный ужин и поделиться новостями. Пару лет я боролся с чувством безграничного одиночества и жалел, что уже не верю в королевство «Святого Марка». И даже в эти страшные дни Оксана Семёновна Глинская умудрялась будить меня среди ночи телефонными звонками, отчитывая за качество установки двери или толщину швов между плиткой в ванной комнате. Наверное, в обычной ситуации я бы её грубо послал, но после похорон родителей я был слишком потеряннным и подавленным. А потом мне снова стало всё равно. Наступил цветущий май – месяц запланированного мною волшебного путешествия...

На майские праздники я встретил в городском парке своего одноклассника. В палатке в окружении кожаных сумок, средневековых украшений и картин сидел высокий веснушчатый парень с тёмно-рыжими волосами и симпатичная шатенка с огромными сверкающими глазами. Она была в зелёной бандане.

Парня звали Андрей Перепелов – он изготавливал и продавал изделия из кожи. Я учился с ним в школе с четвёртого по одиннадцатый классы. Со звериной яростью мы вместе дрались со школьными бандитами, выпили с ним не одну сотню литров пива и стоит ли говорить, что Андрей был с «островов Марка».

– А это Валера Каминский, он мой одноклассник, – сказала Андрей, увидев меня, и добавил: – Привет, Валера!

Андрей представил мне красивую шатенку в бандане, и оказалось, что её имя Катя. Я посмотрел Кате в глаза, и произошло чудо! Мир вокруг озарился, и в моей голове заиграла композиция «The killing moon» коллектива «Echo and the Bunnymen».

Вы когда-нибудь задумывались, как загорается Олимпийский огонь? Ещё со времён Эллады в Олимпии существовала система с использованием кривых бронзовых зеркал. Олимпийский огонь – символ пламени, дарованного людям Прометеем, к восторгу жрецов в назначенный день зажигали солнечные лучи. А уже после гонцы с факелами отправлялись в греческие города по суше и морю. Те города, в которые приходили гонцы с очищающим божественным огнём, являлись частью эллинской культуры и цивилизации, а остальных греки считали тёмными варварами.

В момент беседы с Катей пламя страсти запылало внутри меня, возможно, от загадочного света её глаз или сияния улыбки девушки. Чтобы увековечить этот момент, я купил у Андрея кулон, похожий на круглое бронзовое зеркало с двумя серебряными львами по бокам.

Позже мы пару часов общались. И я угостил Катю ароматным кофе.

Отведя меня в сторону, Андрей пояснил:

– Катя – хозяйка кафе и перспективная художница. Она закончила в Витебске художественно-графический факультет. Живёт Катя с отцом. Мать её оставила и уехала в Прагу с любовником. Девушка с детства воспитывает младших сестру и брата. Когда Кате было три

года, её мать отвлеклась, выпивая с любовником в одном из дворов, и не уберегла дочь. Оставленную без присмотра девочку ударило железными качелями и выбросило на бордюр. Катя до сих пор скрывает под банданой небольшой шрам на голове. Человек она очень тонкий и ранимый. Постарайся её ничем не обидеть.

– Мне не хватает мужской энергетики, и поэтому я в народной белорусской рубашке Андрея, – сказала Катя, подойдя к нам. Её сильно выступающая холёная грудь виднелась из расстёгнутой рубашки и волнительно качалась в такт движениям девушки.

– А мне недостаёт женской энергетики, и я в чёрном плаще своей бабушки, – ответил я, и народ вокруг заулыбался.

– Так чем ты сейчас занимаешься? – спросила Катя, поправляя картины с изображением руин готических соборов.

– Я работаю над полоцким «Музеем медицины», – произнёс я и заметил удивление на лице девушки.

– А что, в Полоцке какая-то особенная медицина, достойная музея? – поинтересовалась она.

– Первое упоминание в летописях о лечении психически больного человека связано с жительницей Полоцка Арефой в XI веке. Звание доктора медицины носили такие деятели полоцкой истории, как просветитель Франциск Скорина, автор трактата о лошадях Криштоф Дорогостайский, иезуит Габриель Грубер. С воевавшим в Полоцке королём Стефаном Баторием связано первое на территории Восточной Европы анатомическое вскрытие в XVI веке. Я молчу о десятках других имён, но да, в Полоцке знаковая история медицины, – пояснил я.

– Мне уже скучно! Если у меня будет дочь, обязательно назову её Арефой, – с улыбкой сказала Катя.

– Ну, не всё там про историю. Есть, например, переносная бормашина. С ней зубные врачи ходили по домам семьдесят лет назад, наводя на детей ужас. Ею можно попробовать просверлить искусственную челюсть. Имеется механический медицинский автомат. Выбираешь на нём симптомы своей болезни, год, месяц, фазу луны, и автомат печатает забавный рецепт, основанный на древних трактатах, вроде: «наденьте амулет из когтя рыси, выпейте 3 французских грана порошка из рога носорога и поцелуйте в руку незамужнюю швею», – парировал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.